

Николай Брешко-Брешковский

**Парижские огни (А. В.
Руманов)**

Николай Николаевич Брешко- Брешковский

Парижские огни (А. В. Руманов)

«Это было давно, очень давно, а все-таки было...

В Петербурге был известен салон большой просвещенной барыни, Зои Юлиановны Яковлевой.

Кто только не посещал его, начиная от великих князей, артистических знаменитостей, красивых светских дам и кончая будущими знаменитостями в роде, например, вышедшаго из Императорскаго Училища Правоведения Н. Н. Евреинова...»

**Николай Брешко-
Брешковский
Парижские огни (А. В.
Руманов)**

Это было давно, очень давно, а все-таки было...

В Петербурге был известен салон большой просвещенной барыни, Зои Юлиановны Яковлевой.

Кто только не посещал его, начиная от великих князей, артистических знаменитостей, красивых светских дам и кончая будущими знаменитостями в роде, например, вышедшего из Императорского Училища Правоведения Н. Н. Евреинова...

Часто бывал у Яковлевой подвижной, румяный, ежиком остриженный университетский студент с умными, живыми, необыкновенно ярко-синяго цвета, глазами.

Говорил он цветисто, красноречиво и любил щегольнуть, – тогда на это была мода, – модернизмом слова и мысли.

Помню его фразу, скупую, из двух слов.

– Филигранный Христос...

По тогдашним временам это было ново и смело.

О студенте заговорили. Им заинтересовались, его стали приглашать в другие салоны...

А через несколько лет он уже был петер-

бургским представителем московской газеты «Русское Слово». Сытин души в нем не чаял и обставил его с невиданной в газетно-журнальном мире роскошью. Чуть ли не целый особняк на большой Морской, фаланга секретарей и такая же фаланга пишущих машинок...

Это было как говорится: «в коня корм».

Молодой представитель «Русского Слова» делал для газеты не только возможное, а и невозможное.

Столичная информация с проникновением в самые заветные сферы поставлена была на высоту небывалую.

Близость сытянского «резидента» с графом Витте открывала для «Русского Слова» богатые возможности...

Но кто же он, этот маг и чародей, начавший с «филигранного Христа» в салоне Яковлевой и продолжавший не по дням, а по часам увеличивать значение и тираж московской газеты?

Аркадий Веньяминович Руманов.

Он дружил со всею русской литературой. Блок несколько раз весьма лестно отзывается

о нем в своих воспоминаниях. Да и не только один Блок...

Руманов был, – да и остался таковым, – на редкость обаятельным человеком, человеком «в замше» в самом положительном значении этого слова. Мягкость, чуткость, отзывчивость... Он привлекал сердца и делал все, что мог, хлопотал, устраивал, помогал...

Грянула «великая, безкровная»...

Большевики, зная крупные организаторские способности Руманова, а также и тонкое редакторское чутье его, предлагали ему сделаться у них едва ли не каким-то красным журналистическим папою, но он уклонился от роли газетного первосвященника у красных, не колеблясь, перешел в белый стан и очутился в Париже...

В эмиграции, он не зарыл в чужую землю организаторских талантов своих.

Официально занимая скромную должность личного секретаря Вел. Князя Александра Михайловича, Руманов в действительности был его вдохновителем, министром пропаганды и министром иностранных дел...

Если покойный великий князь сделал

несколько блестящих «турнэ» по Америке, прочел там сотню, другую содержательных и весьма полезных лекций о России, выпустил ряд соответствующих книг и брошюр и в конце концов оставил после себя большой том захватывающе-прекрасных воспоминаний, то этим он всецело был обязан Руманову...

Бывший студент салона Яковлевой, сверкавший модернистическими парадоксами и молодым блеском ярко-синих глаз, спустя десятки лет остался таким же молодым и свежим. Когда он мог, он охотно и широко помогал эмигрантам-соотечественникам, не только содействием и протекцией, а и просто деньгами. В последствии, волею-неволею вынужденный сократиться и сжаться, он ни на один миг, однако, не прекращал благотворительной деятельности своей, уже правда, силою обстоятельств в более скромных пропорциях...

Многогранны связи Руманова, в самых разнообразных кругах. Он – свой человек в живой портретной галлерее французских писателей, он близок к знатному титулованному окружение короля Альфонса XIII, он ведет

оживленную корреспонденцию с американскими финансистами, учеными, политическими и общественными деятелями...

К нему идут за советом, с его мнением считаются.

Свое влияние он употребляет сплошь даром, буде представиться только удобный на пользу России и русского дела...

Друзья пристают к нему:

– Вы близко знали и знаете столько русских и иноземных знаменитостей... Какие интересные воспоминания могли бы вы дать...

Журналист, столь же даровитый, сколь и... ленивый, Румянов внял наконец этим настойчивым голосам. Он приготовил к печати любопытнейшую книгу.

Да, это воспоминания, это встречи, это имена, одно громче другого, но не ищите в этой книге характеристик, установленного образца... вы их не найдете. Это – цепь таких же блестящих, как и сам Руманов, анекдотов...

В нескольких десятках строк, в живых диалогах, встают во весь рост Куллидж и Гувер, Яков Шифф, Витте, Милюков, Гучков, Дороше-

вич, священник Петров, Сытин, Фофанов, Василий Немирович-Данченко, Путилов, Теффи, Куприн, Бунин, Кутель, Рерих; Репин, Блок, Мережковский, Андрей Белый, Брешковский, Морис Декобра, Бриан, Пуанкарэ, Клод Фарер... Но не довольно ли и этого перечня?... Около двухсот имен вошло в книгу Руманова...

Такой «анекдотической» хрестоматии еще не было, пожалуй, ни у кого и никогда...

Ее ждут, просят для напечатания «кусочками», в виде легкой «артиллерийской подготовки»...

Руманов сумел примирить непримиримое: по натуре своей человек в высшей степени снисходительный, даже всепрощающий, он и человеческие «анекдоты» свои облек в такую же форму. Но ни пресности, ни слащавости нет и следа. Каждая строка интересна, волнует и захватывает...

Мата д'Ор.